

ПОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

АННА

занадворова

ВОТ ЭТО
КНИГА!

11 от
14 до

Анна Занадворова
Точки пересечения
Серия «Вот это книга!»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70339963

ISBN 978-5-4370-0393-0

Аннотация

Иногда все так трудно и неправильно! Дине тринадцать лет, школьный год только начался, и почти сразу все не заладилось. Мальчик, который ей нравится, кажется, не очень-то обращает на нее внимание. Лучшая подружка обиделась и не разговаривает. Мама с папой постоянно ругаются, а у мамы, вообще, похоже, завелся поклонник!

Дебютная повесть Анны Занадворовой говорит о проблемах и переживаниях, с которыми сталкивается каждый подросток, и о том, что выход обычно находится – главное, искать его и разговаривать друг с другом.

Содержание

Книга	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анна Занадворова

Точки пересечения

* * *

Вот и день рождения закончился, гости ушли. Гости – это громко сказано, конечно. Приходила моя одноклассница

Маша и ее младшая сестра Нинка. Всё. Мама предлагала еще Лёлю позвать. Мы с ней дружили до четвертого класса. Но мама забывает, что она переехала, и мы с ней уже три года не виделись. Теперь уже поздно, столько лет прошло. Мы уже в восьмом классе!

Нинка сплела мне браслет, а Маша подарила блокнот с совами и ручку с совами. Раз такое дело, надо что-то мудрое туда записывать.

19 сентября

Очень глупо искать себя, когда никто больше тебя не ищет. Все равно что играть в прятки с самим собой и прятаться от себя.

* * *

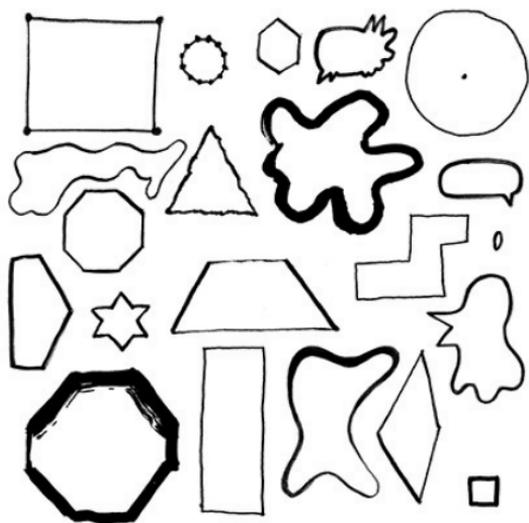
Купили с мамой кофту, как я хотела. Она клевая, но за чем-то там пришиты такие петли, которые все время вылезают. И мне все постоянно о них говорят. Я хотела их отрезать, а мама не дала, говорит, будет падать с вешалки. А по-моему, важнее, чтоб одежду было удобно носить, а не чтоб она хорошо висела на вешалке.

23 сентября

На одной планете у людей были специальные петельки, чтобы их тела в магазине тел могли не падать с вешалок. Они не были большие ни для чего нужны. Но люди без таких петелек отличались от других, и это считали уродством.

Пишу вот всякую чушь, хочется уже что-то стоящее написать. Книгу, может.

Мама ужинать зовет.

Я придумала, про что писать книгу! Так случайно получилось. Села за геометрию, и тут мне позвонила Вероника. Я бы не сказала, что мы с ней дружим. Просто в начальной школе на хор ходили вместе, я тогда еще в музыкалке училась. Наши мамы нас по очереди пасли после уроков и до хора.

Она мне поэтому иногда звонит. Мне это даже приятно, хотя я ей сама никогда не звоню. Обычно она спрашивает, как решать математику. Почему-то считается, что девочка и математика – это две вещи противоположные. А я вот люблю математику, да и физику, пожалуй. Там все понятно: взял формулу и посчитал.

А школьные сочинения я ненавижу! Ничего действительно умного я не могу написать. Поэтому я сижу и пол-урока грызу ручку. А в конце все-таки что-то пишу, не получать же два. Но в итоге я пишу не свое, а просто повторяю чужие мысли чужими словами. Мне даже ставят за это четыре или пять, но мне все равно стыдно и противно.

Ну так вот, мне позвонила Вероника, спросила, как математику решать. Я ей пообещала сфоткать и скинуть в Вотсап. И мы еще поболтали немного. Она спросила, как мне новый географ. А потом спросила, как мне Логинов. Тут я поняла, что ради этого она и звонила.

Логинов – это звезда нашего класса. В прошлом году у нас был конкурс в стиле рок-концерта, он там очень круто спел и вышел в финал и даже занял второе место в школе. Я только тогда и узнала, что он вообще играет на гитаре. С тех пор все девчонки на нем помешались. И даже старшеклассники с ним на переменах здороваются.

Я никогда и не мечтала оказаться с ним за одной партой. У него расписание, с кем он на каком уроке сидит. Серьезно. На физике с Маргошей, на истории с Леной, а у Вероники как раз география была. Но новый географ взял и всех перерассадил по-своему, «чтоб мы поменьше болтали», а меня вдруг с Логиновым – за первую парту.

Это расписание установилось еще в конце прошлого года. Все началось как бы в шутку, когда мы в столовке за обедом стояли. Маргоша подошла к Логинову и сказала таким дурашливым голосом:

– Матве-ей, можно я с тобой на математике сяду? А то у меня тройка выйдет итоговая, и меня без карманных денег оставят. А Ефремов сам умный, без тебя справится. Правда, Ефремов?

Ефремов прям покраснел оттого, что Маргоша удостоила его своим вниманием, и закивал.

– Давай! – согласился Логинов. – Тогда я на литре с Олей Клейн должен сесть.

Олю обычно все называют Клей, еще с начальной школы. Даже я. Сложно что-то изменить, когда все вокруг так гово-

рят.

– Что, со мной? – Оля от неожиданности чуть поднос не выронила, то ли оттого, что ее Олей назвали и фамилию правильно произнесли, то ли оттого, что сам Логинов ее удостоил вниманием. – Ладно, садись.

– А у меня по истории пять, – вставила Ленка.

– Отлично, записываю, – Логинов сделал вид, что пишет в блокнот.

– А у меня – по географии, – подсуетилась Вероника. Вот Вероника, кажется, могла бы и без пятерки по географии добиться этой высокой чести. Она очень красивая, высокая, с длинными волосами и королевской осанкой, как говорит моя мама, когда стучит меня по спине и велит не горбиться.

Так вот с шуточками все предметы и распределили. Нам с Машей места, конечно, не нашлось. Ну не очень-то и хотелось, хотя было немного обидно, что нас как будто вовсе нет, хотя вот мы, рядом, в той же очереди стоим.

А теперь получилось, что я заняла законное Вероникино место. Но я же не виновата, в конце концов, я об этом не просила. А все равно как-то неудобно. Я тут же стала говорить, какой идиот этот новый географ.

А с Логиновым сидеть – ну... прикольно. Хотя ничего особенного.

Он высокий, на вид очень взрослый. Волосы у него длинные и кудрявые. Мне нравятся длинные волосы у мальчишек. Если только это не грязные прямые патлы и не хвостик.

Кудрявые длинные волосы – это красиво, ему идет, во всяком случае.

Я совершенно не знала, о чем с ним говорить. Хорошо, что это урок, а не свидание. Вот дали самостоятельную работу, вроде как говорить даже запрещено. Сижу, смотрю на его руки, как он достает карандаш из пенала. На левой руке у него ногти коротко подстрижены. А на правой – длинные, и под ними грязь. Он увидел, куда я смотрю, и говорит так шепотом:

– Это для гитары.

Точно, он же на гитаре играет. Я смутилась, как дура, что он видел, что я смотрю на его руки.

А теперь Вероника звонит, выпытывает, о чем мы говорили. Да ни о чем. Потом он спросил, что я в пятом вопросе написала, я ему подвинула свою бумажку, а он мне – свою. Потом, когда мы сдали работы, он мне показал фотку своего кота. То ли мама ему прислала, то ли брат. Наверное, все-таки мама. Там была подпись: «Мотик, привет от Котик!» А кот прикольный: толстый, серый, лежит и лапку вытянул, как будто машет.

Надо же, его Мотиком называют, я бы никогда не решилась его назвать даже Мотей. И никогда б не показала такую эсэмэску от мамы, с домашним именем. Он сказал, что у них дома три кота. У них даже специальная группа есть в ватсапе для фоток этих котов. Он мне еще несколько показал, где они все вместе на диване валяются и как рыжий в раковине

спит. Ну, в общем, он ничего. Но записываться в его фан-клуб я не хочу.

А Веронике я сказала, что мы самостоятельную обсуждали, про кота я не стала рассказывать почему-то.

Потом смотрю – я пока говорила, весь чертеж в тетрадке по геометрии изрисовала! Есть у меня такая привычка, когда я по телефону говорю, или думаю, или музыку слушаю, я рисую всякую бессмыслицу, какие-то абстрактные фигуры. Обычно где-нибудь на листочке, а тут прямо в тетрадке! Придется страницу вырывать.

А тут еще мама пришла и начала:

– Что это за амобы у тебя, ты математику делаешь или что?

И в этот момент у меня прямо щелкнуло в голове! Бывает, писателям их сюжеты приходят во сне, кто-то в газете полицейскую хронику прочитал и детектив придумал. Не знаю, придумывал ли кто-то в истории книгу, делая домашку по геометрии. Может, я буду первой.

И за амобу спасибо, мама! Мне это слово пригодится.

Я скорей вырвала листок, хорошо, что тетрадка еще до середины не дошла. А на следующий день после школы купила себе новую, с надписью «Геометрия», на сорок восемь листов. Нам в таких толстых писать не разрешают, а то учительнице их таскать тяжело. А вот для книги – то что нужно!

Книга

Где-то далеко-далеко, за бумажными горами, за плоскими морями, за линиями рек раскинулась земля, или поверхность, – страна плосков, или страна фигур, под названием Папира.

Жители ее были, с нашей точки зрения, плоскими, двумерными, как будто нарисованными на бумаге, а с их точки зрения, они были нормальными, двумерными, как все в их стране, существами.

Жили там квадраты и треугольники, трапеции и пятиугольники. Каких только фигур не было! И правильные равносторонние, и кособокие многоугольники, и круги, и полукруги.

Каждый имел свою форму. Иногда она менялась, но обычно годам к восемнадцати, то есть к совершенно-по-нашему-летию каждый плоск приобретал устойчивый вид, который был зафиксирован в его паспорте, и без крайней необходимости его не менял. Бывало, конечно, под влиянием сильных эмоций какой-нибудь квадрат раздуется чуть ли не в круг или треугольник прогнется своими гранями от страха, но уважающие себя плоски такого обычно себе не позволяли. А если подобное и случалось, старались скорее о таком позоре забыть.

Это касалось устойчивых членов общества, которые ина-

че именовались фигурами. Были еще амбии – существа бесформенные, неуважаемые. Иногда они пытались «держать форму», но обычно было видно, кто перед тобой: истинный квадрат или треугольник по рождению – или много о себе возомнившая амбия. Стоило толкнуть такую в бок, и от ее строгих форм не оставалось и следа.

Фигуры прекрасно бы без них обошлись и жили бы в стройном своем порядке, если бы эти глупые бесформенные амбии не были бы им так нужны. Но, как назло, для ощущения полноты каждой фигуре нужна была своя амбия. Найдя такую, устойчивый плоск предлагал ей найти убежище внутри него, конечно скрепив свои отношения в мэрии. После этого амбия пропадала для внешнего мира, а фигура начинала лучиться «полнотой» и надевала опознавательный знак, что она в прямом смысле несвободна. Значит, середина ее, сердце или что там у них, было уже занято.

Маленьких амбий пугали разными проходимцами, которые, вскружив голову доверчивым крошкам, заманивали их внутрь, предлагая не вмешивать мэрию в их высокие отношения, и, как сказали бы у нас, с тех пор их никто больше не видел. Но это неверно. Амбий вообще после «вступления» обычно не видно, но по косвенным признакам можно догадаться об их присутствии. А тут – никто об этих обманутых бедняжках больше и не слышал.

Что там происходило внутри фигур, как развивались их отношения, до последнего времени никого не интересовало.

Известно было лишь, что от таких союзов появлялись новые фигуры, которыми семьи по праву гордились, ну или амбии – к немалому смущению родителей.

Интересно, что у них там с религией было? Наверное, они поклонялись богу Евклиду.

Очень удобно: можно делать вид, что делаешь геометрию, а в это время придумывать книгу. Даже жаль, что за мной никто не следит.

* * *

Блин, у мамы есть тайна. Поклонник. Может, даже любовник. Не могу поверить. Не могу не думать об этом. Иногда забываю, и кажется, что всё норм. А потом как вспомню! Мне прямо плохо от этого, как подумаю – в животе что-то скручивается. Я случайно узнала. Увидела у нее в ватсапе родительский чат своей старой музыкалки, хотела показать ей, как из него выйти, чтобы он там не болтался у нее в списке чатов, я ведь музыкалку-то уже сто лет как бросила. Я говорю, убери, зачем телефон засоряешь. Сама же вечно мне ест мозг за бардак в комнате. А у нее – в телефоне бардак. Память кончается все время.

Ну и взяла ее телефон в руки, у нас пароли у всех одинаковые, нам папа поставил: первые четыре знака числа л. Стала удалять, а тут новые сообщения пришли, ну и прочи-

тала случайно, я не хотела. Они просто у нее поверх экрана сразу вылезают, с чириканьем. А там! Ну там... Короче, даже думать об этом не хочу.

Мама так напряглась, выхватила телефон. Но как теперь это развидеть? Что теперь делать?

Я поняла, что теперь жду урока географии. Жаль, он толь-

ко раз в неделю. Даже параграф стала читать заранее и контурные карты рисовать. Обычно я его прочитывала в первые пять минут урока, но теперь жалко тратить драгоценное время. Во вторник вечером я начинаю с ужасом думать, что мне надеть. Сама себя ненавижу за это, но все равно думаю. Тут нельзя надеть что-то слишком красивое. Нужно такое, чтоб мне шло, но как бы что-то простое, чтоб он не догадался, что я ради него стараюсь.

А так обычно я с Машей сижу. И хожу. Можно даже было бы сказать, что я дружу с Машей. Но как-то не хочется называть это дружбой. Неужели я обречена на Машу Скворцову на всю жизнь? В пятом классе, когда наконец разрешили садиться с кем хочешь, я села с ней, потому что ушла Лёля. Маша – она нормальная, но скучная. И я тоже скучная. А вместе мы – скучность в квадрате. Она собирает волосы в пучок и похожа на Мюмлу из муми-троллей или на фото моей прабабушки. Я к ней все пристаю, чтоб она сделала себе нормальную прическу, подстриглась бы, ну или просто с распущенными волосами ходила. Вот как Вероника, например. Мы с мамой в пятом классе пошли в парикмахерскую, отрезали нудные хвостики, с которыми я мучилась всю началку, и я об этом ни разу не пожалела.

Маша в детстве мечтала быть балериной, поэтому мама делала ей «балеринскую прическу», вот этот самый дурацкий пучок. Но никакой балет ей не светил, конечно. Ее даже в бесплатный кружок танцев не взяли. «Такому пухляшу на-

до на плавание», – сказали ее маме, и Маша до пятого класса три раза в неделю ходила в бассейн. Плавание она ненавидит.

Помню, в первом классе Маша была толстая и делала все медленно. Так, во всяком случае, считалось. Физрук любил высказаться в таком роде: «Скворцова, куда так с урока торопишься, тебе завтрак можно и пропустить». Мне было ее жалко: если б мне такое сказали, я бы вообще больше в школу не пришла. Но дружила я тогда с Лёлей, и до Маши мне дела особо не было.

У Маши вечно нет денег. Она всегда экономит. Из-за Маши я не могу пиццу поесть в школьной столовке, даже если ее вдруг всю не расхватают передо мной. Пицца стоит в три раза больше, чем пирожок, поэтому Маша берет всегда два пирожка, а мне неудобно при ней есть свою пиццу. Я пыталась ее угощать, но она еще и гордая в придачу. В общем, из-за Маши я без пиццы.

Маша живет с мамой и младшей сестрой. Папа от них ушел, когда Маше было лет пять. Она его почти и не помнит. Так что тут все понятно. Еще ей надо беречь вещи, чтоб Нинка могла донашивать, та ее младше на три года.

А еще Маша – феминистка. Она мне сама сказала в шестом классе. Мне мама книжку про них покупала – «Что мы празднуем восьмого марта», что-то в этом роде, все не соберусь почитать.

1 октября

Береза под окном вся пожелтела и даже начала опадать. Желтые листья на черном мокром асфальте – так красиво! Непонятно, что делать с этой красотой. В сотый раз фотографировать? Рисовать? Все равно получается не то. Жалко, что люди не меняются, как деревья. Было бы прикольно, если б волосы осенью краснели, а весной зеленели.

* * *

Теперь по средам на географии Маша сидит со Слоновым. У него ударение на первый слог – Слонов, – но все новые учителя, конечно, его называют Слонов. Хотя какой он Слонов – скорее Страусов. Он высокий, но худой и как будто складной. В первом классе он вообще был самый маленький, мальчик-одуванчик, как его моя мама называла. С голубыми глазами и золотистыми кудрями до плеч. А год назад вдруг вырос, волосы потемнели, и постригся он коротко, я даже его не узнала в сентябре. Он нормальный, но ничего выдающегося.

И вот Маша вдруг перед английским подходит к нашей парте, но сумку почему-то не кладет. И вид у нее такой странный, думаю, наверно, хочет денег одолжить. Она у меня часто просит и всегда ужасно смущается. Но при этом все помнит и отдает с точностью маньяка, так что я не против, незачем так смущаться только. А она вдруг:

– Слушай, извини, я со Слоновым сяду сегодня? Мы договорились... ну... я ему помочь...

– Да не вопрос, – говорю, а сама не понимаю, что происходит. Маша Скворцова, мой якорь, вдруг от меня уходит! Я всегда считала, что она – мой балласт, что она на мне висит, не дает мне нормально ни с кем тусоваться, и тут оказывается, что я ей не нужна!

Я от неожиданности чуть не расплакалась. Полезла в рюкзак за сосалкой, сгребла вещи с нашей третьей парты и, сделав беззаботный вид (надеюсь, у меня получилось), пошла к Клею на первую.

– Оль, у тебя свободно?

– Да... конечно.

– Я сяду к тебе?

Она удивилась, но кивнула. И тут вошла англичанка.

– А... Маша? Вы поссорились? – не ожидала от Клея таких откровенных вопросов.

– Да что ты! У Маши, – тут я сделала гадкую ухмылку, – ну... личная жизнь. Зачем я буду ей мешать? – и я кивнула на них со Слоновым. Они сидели за второй партой у окна.

– А-а, – Оля их только сейчас, кажется, заметила.

Я сама не ожидала, что меня так заколбасит. У нас в классе почти никто не сидит с мальчишками. В началке нас, конечно, специально сажали «девочка с мальчиком». Я с Сашей Смирновым сидела и была, стыдно вспомнить, в него влюблена. Он мне даже написал как-то свой телефон на бу-

мажке и попросил ему вечером позвонить. У меня тогда еще своего не было. Я одолжила телефон у мамы, даже велела ей выйти из комнаты, сказала, что у меня личный разговор. Мама сделала большие глаза, но вышла. В общем, я ему позвонила, мы поздоровались, помолчали, потом он сказал, что у него кот, а я сказала, что у меня нет кота. Мы опять помолчали. А потом он спросил, могу ли я ему еще попозже вечером позвонить. Я сказала, что попробую, потому что это мамин телефон, а не мой, но позвонить так и не получилось. На этом наше телефонное общение завершилось, хотя в школе мы с ним нормально общались. А в пятом классе он ушел в спортшколу.

Теперь сидеть с мальчиком как-то странно. Ну Данилов с Потаповой сидят вместе, но они чуть ли не с детсада дружат, семьями. А так, если не считать этой кутерьмы с Логиновым, никто и не сидит. И тут Маша со Слоновым так спокойно сели вместе. Даже в голову не придет никому их дразнить. Какая из них пара – смех один.

А чего я парюсь? Теперь я свободна. Я тоже могу тусить с кем хочу. Вот Оля, например, очень умная, она единственная в нашем классе умеет писать нормальные сочинения. За свои мне всегда стыдно, а она пишет прямо как взрослый человек. Оля, правда, с Наташей сидит обычно, но на английском Наташа в другой группе. Оля всегда ходит с книжкой, она берет, чтоб в метро читать, ей ехать полчаса, она говорит. Ну а потом не может оторваться, в столовке читает в

очереди, на перемене, когда освобожденная на физре, везде.
Интересно, что она сейчас читает. Спросить, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.